

М.В. Довнар-Запольский

Белорусские песни

**с подробными объяснениями их творчества и
языка, с очерками народного обряда, обычая и
всего быта**

УДК 82-34
ББК 82
М11

М11 **М.В. Довнар-Запольский**
Белорусские песни: с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / М.В. Довнар-Запольский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 264 с.

ISBN 978-5-518-04309-1

Издад Петр Бессонов

ISBN 978-5-518-04309-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ствительная особенность, изнутри себя ихъ очертавшая: что здѣсь своя почва, свое племя, свой народъ, своя народность, нѣкогда обладавшая, хотя бы нынче живыя лица ея прятались отъ вашего взора въ развалинахъ былаго, хотя бы она съ тупымъ лицомъ и безмолвными устами встрѣчала при развалинахъ своихъ новаго гостя. И что замѣчательно: какъ ни орудовали прежде суровые Литовцы, сколько ни пановали Поляки, какъ ни расплодился, ни набрались и не разбогатѣли послѣ нихъ Евреи, сколько ни разцвѣли новыя надежды старыхъ Нѣмецкихъ захватовъ,—мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что всѣ эти племена, народности, языки, бытовыя единицы и вѣры сдерживались нѣкогда въ равновѣсіи чьей-то иною верховною рукою; что равновѣсіе поколебалось отъ ея ослабленія и оскуднѣнія, поколебалось, но еще не уничтожилось во всѣхъ, и яркихъ, слѣдахъ своихъ; что народная исторія видѣла здѣсь главенство другое и судьба народная готовила господство для народности другой, не той, которая царствовала не давно, а той, которая гораздо прежде правила и направляла. Государственный міръ Русскій господствуетъ здѣсь столѣтіе и за послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ когда либо: мѣры его, средства, вліянія и явленія, естественно, суть чисто-государственныя. Но мы говоримъ пока о мірѣ—народномъ, хотя бы съ его бытовыми и общественными, гражданскими и церковными проявленіями на крайнемъ развитіи основъ народныхъ: и этотъ-то міръ сновался иной, и за вѣка, о которыхъ мы вспоминаемъ, являлся міръ особый, на Обще-Русскомъ корнѣ параллельный Малорусскому и посредствующій между Русью Великой со стороны одной, между Западнымъ Славянствомъ съ другой. Всѣ его отличія, которыя бѣгло перечисляли мы, сводятся къ сей задачѣ *посредства*. То былъ періодъ, по сущей правдѣ, *народный*. Средства и звѣнья всякой цѣпи единенія, прежде чѣмъ послужить ему и даже чтобъ послужить звѣньями соединяемаго, должны имѣть собственную самостоятельность: она существовала, на глазахъ исторіи, въ смыслѣ народномъ и въ высшихъ проявленіяхъ народности. Было ли нужно это посредство? Отвѣтимъ тогда, когда въ слѣдъ за Русскою государственной силой явится въ Край Русская церковность, гражданственность, общественность, образованность, бытовая своеобразность, основная народность и самъ—явится лицомъ народъ Русскій, и все это мы въ правѣ будемъ называть—какъ въ Малороссіи не Малорусскимъ, такъ въ Бѣлороссіи не Бѣлорусскимъ, даже не Великорусскимъ, а дѣйствительно *Обще-Русскимъ*. Тогда мы отвѣтимъ, что *теперь* всякое посредство и звѣно переходное не нужно: но и тогда еще промолчимъ, нужно ли было посредство и звѣно *прежнее*. Какъ бы то ни было, только этотъ народный міръ и періодъ Бѣлорусскій не достигъ одного завершения своему зданію: *государства и государственности*. Отъ того ли, что промежуточныя государства вообще не удаются или по крайности не

долговѣчны, или отъ того, что всѣмъ уже Славянамъ такая доля, всѣ ихъ былия самобытныя государства оказывались почему-то и между кѣмъ-то промежуточными, нужными для подставы тому или другому сильному сосѣду: только искомаго не нашлось. Сперва по частямъ и мѣстамъ пришлицы Нѣмцы, потомъ постоянную и общую государственную роль взяли на себя полудикіе, но крѣпко вооруженные и упрямые Литовцы, во всемъ остальномъ развитіи зависѣвшіе отъ Бѣлоруссовъ, а послѣ полураспущенные Поляки, питавшіеся живыми, не оскудѣвшими еще соками Бѣлоруссіи, не только внѣ государства, отъ языка до церковныхъ силъ, но даже и прочною солидностью Литовскаго государственнаго строя.

Второй періодъ начался съ того же XVI вѣка и длился до XVIII-го, входя даже въ сей послѣдній до второй половины съ извѣстной постепенностью. Государство чуждаго корня, инородное и иновѣрное, потрясло до корня равновѣсіе составныхъ частей созданнаго Бѣлоруссіей міра и мира: внесло въ борьбу ихъ раздоръ и страсть, безъ цѣли и надежды на единеніе или примиреніе, безъ возможности соглашенія; раздувало внутреннюю смуту и пользовалось ею для своихъ внѣшнихъ цѣлей. Какъ слѣдовало ожидать, все это тяжестью своей падало на ту составную часть, которая была нѣкогда главною и управляющею, основною и смотрѣвшею впередъ къ своимъ цѣлямъ,—на Бѣлоруссію. Всѣ силы ея, достаточно еще обильныя, отъ языка до вопросовъ церковныхъ, пришли въ напряженіе: потеряна всякая надежда на государство, почти не собственное, такъ что ему-то и приходилось всего чаще давать отпоръ, какъ врагу; естественный, ровный, спокойный, какъ прежде, путь развитія сталъ не примѣнимъ и даже не возможенъ; самобытное, послѣдовательное теченіе отъ родника народности преграждено. Второй періодъ Бѣлорусскій былъ все-таки еще плодомъ ея: но чтобъ созрѣть, требовалъ иной прививки; въ концѣ онъ почти переродился относительно своего сѣмени, вступило извѣстное въ природѣ перерожденіе видовъ. Осталось прилагать способы, испытанные другими націями въ ихъ политической жизни, преимущественно переходящіе въ Европѣ отъ историческаго народа къ другому. Если хотите, здѣсь былъ еще характеръ *національный*, но уже никакъ не *народный*: народность скорѣе гаснетъ и вымираетъ, чѣмъ сдается; путь національности есть путь перерожденія среди политическихъ обстоятельствъ. Поднялись ассоціаціи по всѣмъ направленіямъ жизни, православныя братства, школы, литература, наука. Общественное возбужденіе, своими движущимися силами, переступило предѣлы Бѣлорусскаго міра и разлилось далеко за нихъ по всѣмъ направленіямъ. Школы Бѣлорусскія съ ихъ школярностью предупредили въ семъ отношеніи самую Малороссію, во многомъ сообщили ей типъ свой, а подавно цѣликомъ перенеслись въ Московское государство къ концу XVII вѣка: литературный языкъ «Бѣлорусскій» съ

симъ самымъ именемъ, хотя и не всегда съ отличіями прямо Бѣлорусскими, а часто Польскими, Латинскими и всякими иностранными, сдѣлался общимъ для всей Западной Руси, не исключая Руси Малой, и вошелъ весьма вліятельнымъ ингредиентомъ въ литературу Великорусскую; тѣми же путями, даже Бѣлорусскій говоръ съ его произношеніемъ и такъ называемымъ *а-каньемъ* (выговоромъ всюду *а*, гдѣ только *о* безъ ударенія) передѣлалъ собою, съ половины XVII вѣка, центральное нарѣчіе Московское и сталъ нынѣ отличительнымъ признакомъ сего послѣдняго; наука, съ основою средневѣковой схоластики, но съ извѣстною долею элементовъ реформатскаго возрожденія, охватила всѣ области вѣдѣнія, отъ грамматики до теоріи музыки и пѣнія, до богословскаго катихизиса и полемическаго богословія,—эти опыты старше въ Краѣ, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Руси; надорванная политическая жизнь сказалась отсутствіемъ политической исторіи въ смыслѣ изслѣдованія и учебника, но и для нея подготовленъ былъ матеріалъ въ миллионѣ рукописныхъ памятниковъ за всѣ эпохи, чѣмъ успѣлъ еще отчасти, хотя поздно, воспользоваться Конисскій и чѣмъ послѣ него никто еще изъ другихъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, доселѣ. Тѣмъ не менѣе, эти передовыя Бѣлорусскія силы, опять къ ихъ чести и по старому закону ихъ народной жизни, не исключили и не упразднили успѣховъ своихъ сожителей, ни даже враговъ: Польскіе ученые и литераторы, дѣйствуя среди Бѣлоруссовъ, не уступали значеніемъ ни тогдашнимъ Краковскимъ, ни Львовскимъ, а подавно Варшавскимъ, и только за наши годы вымерли здѣсь или на всегда отсюда выселились; вѣроятно не многимъ извѣстно, и однакоже вѣрно, что Еврейская наука въ Бѣлорусскомъ краѣ имѣетъ давно свою литературу, замѣчательныя типографіи, ряды многотомныхъ изданій и доселѣ такихъ представителей, которые считаются въ Еврействѣ первыми для Европы, а за ней для цѣлаго свѣта; не говоря о католичествѣ, лютеранствѣ и кальвинизмѣ, даже болѣе мелкія секты реформаторовъ, съ самаго начала также точно славятся здѣсь типографіями, школами, дѣятелями, считая въ рядахъ своихъ совсѣмъ не однихъ Нѣмцевъ, а столько же, и даже больше, мѣстныхъ уроженцевъ разнаго племени. Край, при всѣхъ разореніяхъ, даже до послѣдняго времени, на 25 квадратныхъ верстѣ выставялъ по крайности по одной обширной библіотекѣ, кромѣ мелкихъ; онъ значительно покрытъ теперь казенными учебными заведеніями, возникшими на мѣстныхъ началахъ, но еще сплошнѣе прежде усѣянъ былъ всякими общественными и частными; онъ до послѣднихъ лѣтъ процвѣталъ обильными и цѣле-сообразнѣйшими, для воспитанія полудомашняго и полушкольнаго, такъ называемыми «ученическими квартирами,» съ воспитателями и репетиторами по частному найму; грамотность развита до сихъ поръ, по крайности всюду господствуетъ воспитанное уваженіе къ ней и къ наукѣ. Такъ сей періодъ

должно назвать по преимуществу *образовательнымъ*, въ смыслѣ школы, науки, литературы, библиотекъ, типографій и тому подобныхъ средствъ или явленій образованности. Но особенно онъ приобрѣлъ себѣ блескъ и славу отъ тѣхъ силъ, которыя выливались за предѣлы Края: это была масса, по преимуществу изъ Бѣлоруссовъ, прошедшая дома, отчасти и за границей, отличную по времени школу и тяготившаяся внутри положеніемъ дѣлъ, запутанныхъ нескладностью государства; ей скоро подоспѣло содружество Малоруссовъ, которые умѣли встряхнуть господство Польское, но для мирныхъ занятій науки встречали помѣху въ тревогахъ козацкихъ. Сплотившись въ одну многочисленную и вѣковую колонизацію, ряды колонизаторовъ двинулись туда, гдѣ считали уровень образованія ниже и куда надѣялись принести съ собою сумму преобразованій, а вмѣстѣ, разумѣется, снискать себѣ покойный пріютъ, почетъ и хорошее содержаніе. Мы не оцѣниваемъ здѣсь ни внутренняго достоинства сихъ реформъ, конечно во многомъ не выдерживающихъ критики, ни нравственнаго качества сей дѣятельности, ни естественнаго незнанія, даже невѣжества относительно тѣхъ краевъ, которые для смѣлыхъ колонизаторовъ представлялись грубымъ, сырымъ матеріаломъ. Мы беремъ только видимость данныхъ, а всякой знаетъ, какъ были они обильны, сильны и вліятельны, на примѣръ для Великой Россіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленія консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими же проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе Священнаго и Богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей (на примѣръ пѣвчихъ), видъ и составъ школъ, предметы и способы ученья, содержаніе библиотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое і вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища, и т. д., и т. д.*). Тѣмъ не менѣе, сколько ни принесла эта

---

*). Мы часто касались того и другаго періода, предлагая краткіе очерки, ставя вопросы и указывая пути для любопытнаго изслѣдованія: при изданіи твореній Крижанска въ „Русской Бесѣдѣ“ и при изслѣдованіи въ „Православномъ Обзорѣніи“; въ первой еще о „Типографской Библиотекѣ“, въ послѣднемъ о „Судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ“, при 4-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ“, въ „Московскихъ Письмахъ“ и „Письмахъ изъ Москвы“, въ „Виленискомъ Вѣстникѣ“ 1867 и 68 года; въ настоящемъ изданіи.

сила пользы или вреда другимъ краямъ, Бѣлорусскій собственный край она покрыла славой, но столько же, и больше, подорвала его самостоятельность, истощила лучшими представителями: это была сила не центр-стремительная, а центробѣжная; выходцы уже не возвращались на родину; запутанные на сторонѣ въ государственныя и политическія дѣла, мало имъ знакомыя, не воспитавшись и дома достаточнымъ политическимъ тактомъ, гибли они, почти безслѣдно для мѣстныхъ покинутыхъ интересовъ, при всемъ своемъ желаніи не имѣя возможности помогать издали, какъ это бываетъ со всѣми выходцами. Петръ Первый положилъ всему этому конецъ, протянувши мощную руку свою прямо отъ Россіи къ Западной, не-Славянской Европѣ, минуя всякое Польско-Бѣлорусское и Малорусское посредство: когда завершился и принялся его переворотъ, ко временамъ Елисаветы и Екатерины всѣ эти переходные мосточки и посредствующіе пути оказались совсѣмъ не нужны, ни для народности, ни для цивилизаціи, а главное—для государства.

Съ тѣхъ поръ, слишкомъ столѣтіе, длится періодъ *третій*, который пока не беремся мы характеризовать никакимъ особымъ именемъ. Укажемъ лишь нѣсколько его признаковъ. Вообще Бѣлорусскій край пересталъ быть, какъ прежде, звѣномъ соединительнымъ и посредствующимъ, напротивъ сдѣлался *междоумкомъ* и *промежуткомъ*, со всѣми невыгодами явленія промежуточнаго. Еще въ XVII вѣкѣ явился онъ яблокомъ и самымъ поприщемъ раздора, со всѣми послѣдствіями военнаго времени и разоренія, какъ постоянная почти арена или стоянка передвигавшихся съ той и другой стороны войскъ, между двумя государствами сосѣдями, изъ коихъ даже Польское имѣло еще нѣкоторую силу. Съ постепеннымъ и окончательнымъ ослабленіемъ сего послѣдняго, осталось конечно одно мощное государство Русское, къ которому Польша, въ объемъ минующаго Царства, явилась только прибавкою или составною частью Русской короны: но, и по срединѣ между двухъ разныхъ государственныхъ, даже воюющихъ, сторонъ, могла же нѣкогда до извѣстной мѣры продолжаться жизнь не-политическая, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго. Теперь борьба перенеслась внутрь. Если государственная сторона осталась одна, то все-таки многія стѣроны остались въ другихъ проявленіяхъ жизни: стѣроны вѣрѣ, гражданственности, общестственности, образованія, народности, языка. Вопросъ Польской стороны рѣшенъ здѣсь въ принципахъ и въ печати, но не на самомъ дѣлѣ и не въ жизни; Еврейскій вопросъ, занимающій въ современности серьезную роль, даже не поставленъ опредѣлительно; Литовскій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важный и по мѣстамъ коренной, почти игнорированъ; впереди встаетъ Русскій, но въ примѣненіи его къ Бѣлоруссіи, кажется, сдѣлано еще всего меньше. А между тѣмъ неопредѣленность того, или другаго и третьяго, въ одномъ ослабленіе, но не преобразование, въ другомъ преобразование, но не ослабле-

ніе стихій вредоносныхъ, въ третьемъ отсутствіе всякого преобразованія, въ четвертомъ недостаточный подъемъ, все это, при недостаткѣ равновѣсія, но и при отсутствіи господствующаго, крѣпкаго и послѣдовательнаго, перевѣса, выводитъ за собою и выдвигаетъ на сцену элементъ, коему вовсе не давалось прежде въ Краѣ превосходства, элементъ Нѣмецкій, начиная съ языка и народности, отъ быта и землевладѣнія до видовъ болѣе далекихъ. Другіе элементы подчиняются невольно его воздѣйствію, связуясь съ нимъ если не симпатіями, то выгодами и расчетами; всего же болѣе элементъ Бѣлорусскій, а черезъ него и общій Русскій, можетъ естественно пострадать. Край политически и государственно сдѣлался совершенно Русскимъ, и въ семь-то именно отношеніи политическомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не престаеетъ оставаться и обѣщаетъ долго еще оставаться больнымъ мѣстомъ Россіи: ибо если за политическимъ не-политическое предоставляется самому себѣ, а въ настоящемъ случаѣ на долю затрудненій, исторически и давно уже вкоренившихся, въ такомъ случаѣ затрудненія, въ сущности не-политическія, постоянно могутъ рождать изъ себя государственныя, всегда пребывающія близко, на чеку, въ готовности къ соприкосновенію. Всякой, бывавшій и живавшій въ Краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержанномъ политически покоѣ и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувствуется ежеминутно и на каждомъ шагу какое-то безпокойство, тревога, зыблемость: при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равновѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому вопросу, который изо всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться.—«Сепаратизмъ» во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется только въ политическомъ отношеніи: не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, иновѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея,—и самъ собою выработается перевѣсъ тому, кому судила господство изначала мѣстная исторія: успѣхъ и подъемъ *Бѣлорусскій*, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время успѣхомъ *Русскимъ*, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что вовсе не мѣстное, а впрочемъ и не на столько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравновѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого либо не-политическаго элемента, непослѣдовательность системы и скудость плодотворной организаціи, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ толчется въ одной сумятицѣ, ибо стихіи всё же остаются на днѣ разнородны,—такія явленія, говоримъ, хотя бы не поли-

тическія, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ. Больше всѣхъ эта послѣдняя роль сродна Полякамъ или ополяченнымъ Краю, ибо они всегда были склонны къ перевѣсу и крайностямъ, да и не чужды воспитанныхъ изстари политическихъ инстинктовъ, почти незнакомыхъ другимъ мѣстнымъ народностямъ, которыя не испытали подобной приманки въ исторіи: и вотъ, по вызову сего, Край періодически время отъ времени обращается въ военный лагерь для усмиренія смуты или, по крайности, государство дѣйствуетъ въ немъ военною рукою. Послѣдствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе Бѣлорусскую, какъ чуждую всякого рода ловкости и уловки. Такъ сказать некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а не вооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда на сторожѣ, всегда чего-то боится, что-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосязаемымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ, и страдаетъ весьма реально. Благосостоянія для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ Краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки Евреевъ. Плодущіе Евреи поглощаютъ для себя, но не производятъ для общаго дѣла: остальная производительность, дающая имъ пищу, не поднимается, а истощается. Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо размѣется сохнетъ, порохитъ, вывѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается: но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечѣму жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды. Государство не въ силахъ сдѣлать всего: дѣятелями другихъ сферъ только появляются въ Краѣ, посмотрятъ, послушаютъ и — назадъ; мѣстная дѣятельность не родитъ ихъ, а потребляетъ, и ихъ часъ отъ часу меньше. Дѣло приходитъ, стало быть, къ простѣйшимъ элементамъ, на кои разлагается всякая жизнь: а простѣйшій элементъ въ данномъ случаѣ есть конечно *простой народъ*, съ его *народностью* и всѣми остатками явленій народныхъ. Если взглянемъ на Бѣлую Русь какъ на бывшее государство, исторически правившій свой міръ и цѣлый Край, то судьба его теперь та же, какъ всѣхъ Славянскихъ государствъ, политическихъ тѣлъ, крупныхъ организмовъ: въ концѣ разложиться на то самое, изъ чего поднялись сначала, но, поднявшись, пошли въ кривь или въ кось, какъ иное дерево въ сукъ да въ болону. Остается вновь что либо создавать изъ простаго народа и простой народности, или,

по крайности, предоставить ей, чтобы создавалось, и устранять лишь препятствія да помогать отрицательно. Государство Русское, взявшее на свой страх и отвѣтъ судьбы Края, не могло не понять сего значенія съ перваго разу при послѣднемъ кризисѣ: поднять, поставленъ, пущенъ въ ходъ мѣстный *вопросъ крестьянскій*, конечно въ связи съ землевладѣніемъ, и это *cardo rerum, conditio sine qua non, raison d' être* для цѣлаго Края. Если онъ пойдетъ впередъ сколько ни будь безъ помѣхи, то, по закону исторической необходимости, разъ положенному въ основу мѣстной исторіи, крестьянскимъ вопросомъ самъ собою выдвинется впередъ народъ *Бѣлой Руси*. Онъ, при всемъ разложившемся или разлагаемомъ, живъ до сихъ поръ, какъ послѣдній, основной, неразлагаемый, стихійный элементъ: какъ ни дышется, легко или тяжело, чистымъ воздухомъ или порченымъ, но дышется единственно одной—*народностью*.

Теперь поймемъ, какъ же, стало быть, важно намъ имѣть передъ взоромъ, знать и изучать *народное творчество Бѣлорусское* вообще и *пѣснотворчество* въ особенности, съ языкомъ, какъ основой, съ голосомъ и орудіемъ въ сопровожденіи, съ міровоззрѣніемъ какъ содержаніемъ внутреннимъ и какъ предметомъ для историческаго изслѣдователя: произведеніе и выраженіе народности, ея зеркало и данное явленіе, въ сферѣ лучшей—въ сферѣ духовныхъ творческихъ силъ.

Если сама Бѣлая Русь не дозрѣла до полнаго самосознанія историческаго во всѣхъ отношеніяхъ, то и для другихъ, родичей или стороннихъ, никогда еще не служила она предметомъ всесторонняго историческаго наблюденія и изслѣдованія: затрогивали тотъ или другой вопросъ, изъ той или другой эпохи, обыкновеннѣе съ какимъ либо расчетомъ и единственно подъ вліяніемъ какого либо политическаго толчка.—Только въ нашемъ уже вѣкѣ, К. О. Каллайдовичъ первый изъ Русскихъ со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго Бѣлорусскаго нарѣчія. Тѣмъ болѣе возбуждала наше любопытство народность сего Края во всемъ ея объемѣ, и мы давно уже обратились къ главному ея дѣлу—языку и пѣснотворчеству. Ближайшимъ руководителемъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, былъ для насъ П. В. Кирѣевскій: онъ еще въ 30-хъ годахъ самъ посѣтилъ Бѣлоруссію и, если не успѣлъ самъ записать, какъ было нужно, то по крайности вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставили ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти со вкраишимися естественно полонизмами, ибо то были лица Польскаго происхожденія или ополяченныя. Это составило у покойнаго, такъ сказать, «Бѣлорусскій архивъ матеріаловъ», въ связи съ разными замѣтками о странѣ: чтобы воспользоваться имъ, а тѣмъ паче сколько ни будь издать, нужно было много поработать и, не говоря уже о прочемъ, переписать Кириловскимъ,

нашимъ шрифтомъ. а для этого, разумѣется, чтобы не ошибаться, изучить живое нарѣчіе въ связи съ бытомъ Края и въ соотношеніи къ другимъ ближайшимъ нарѣчіямъ, выросшимъ до цѣлыхъ языковъ, особенно же къ Польскому и Великорусскому. Тогдашнее наше общество съ его наукою на такой трудъ по меньшей мѣрѣ насмѣялось бы: самъ Петръ Васильевичъ не имѣлъ на то времени, ибо это значило бы готовить уже изданіе, котораго вовсе не позволяла обстоятельства, между тѣмъ какъ онъ едва успѣлъ приступить къ началу главнѣйшаго изданія—Стиховъ и Пѣсней Великорусскихъ. На трудъ тяжелый, не вознаграждавшій ничѣмъ внѣ самого труда, не удовлетворявшій ничему кромѣ какъ безкорыстному знанію, по видимому непрактической и даже безцѣльный, ибо вокругъ не знали прошлаго и не предчувствовали близости роковаго будущаго, на этотъ трудъ нашелся я одинъ: П. В. Кирѣевскій передалъ мнѣ его, вмѣстѣ съ самимъ матеріаломъ, и только руководилъ своимъ указаніемъ, опытомъ. Какъ искренне и усердно это велось, стоить прибавить въ примѣръ, что я бѣольшую часть переписалъ собственною рукою, а чтобы установить правописаніе нынѣшняго шрифта, съ нѣкоторыми необходимыми оттѣнками для вѣрности нарѣчію и для легкаго доступа нашей литературѣ, въ этомъ прошло у насъ съ полгода, за обсужденіемъ и повѣркою нѣсколькихъ образцовъ, нѣсколько разъ мною составленныхъ и передѣланныхъ. Завлеченный интересомъ дѣла, я началъ самъ дополнять собраніе и мало по малу умножилъ его значительно: но я тогда исключительно почти занятъ былъ собираніемъ народныхъ духовныхъ Стиховъ, не имѣлъ средствъ лично проникнуть въ край дальше Смоленской, то есть самой близкой къ намъ области, и счастливъ былъ въ особенности пріобрѣтеніемъ народныхъ Бѣлорусскихъ рукописей, изъ которыхъ одна, XVII вѣка на нотахъ, составляетъ доселѣ единственное въ Россіи сокровище *). О печатаніи нельзя быко и думать: я успѣлъ только сообщить *Θ. И. Буславцу* нѣсколько образцовъ въ первое изданіе его «Исторической Хрестоматіи **).» Такъ застала насъ смерть Петра Васильевича, а послѣ нея, какъ многимъ извѣстно, начато было мною обнародованіе его сборника Великорусскаго, почти поглощавшаго весь мой досугъ въ занятіяхъ сего рода, именно пе-

---

*) Она въ послѣдніе годы Ки. В. Θ. Одоевскаго постоянно была настольною для его занятій, сопровождала его даже въ поѣздкахъ и едва была съ трудомъ возвращена мною изъ бумагъ его посмертнаго наслѣдства.—Впослѣдствіи число подобныхъ Бѣлорусскихъ рукописей и рѣдкихъ изданій со Стихами возрасло у меня до полнаго богатства; не могу кстати не прибавить, въ характеристику уровня нашихъ свѣдѣній, что не такъ еще давно облетѣла нашу періодическую печать вѣсть объ одномъ изъ „Попечителей“ Западнаго Края, который „нашелъ и открылъ“ рукопись съ Бѣлорусскими Стихами и молитвами. Какая рѣдкость—для господствующаго вѣзанія!

**) 1861 года. стран. 1623, 24.

чатаніе, со всѣми моими дополненіями, старшихъ Былинъ, до которыхъ или вовсе не доросла Бѣлая Русь, или которыя у ней давно разложились. Въ мое одновременное изданіе «Калѣкъ Перехожихъ» вошло довольно много Бѣлорусскихъ Стиховъ (ихъ весьма мало было собрано П. В-чемъ, да и тѣ всѣ почти поступили въ первый его опытъ печатанія при «Чтеніяхъ М. О. И. и Др. Росс.»): но они помѣщались смотря по отдѣлу, который шелъ, а потому далеко еще не всѣ, даже часто не народные, младшіе и книжные, главное же—не столь характерные для народности, какъ пѣсни, а симъ послѣднимъ вовсе не было мѣста.

Крутой поворотъ и внушительный урокъ политическихъ событій, вскорѣ за тѣмъ наступившихъ для всего Бѣлорусскаго края и вмѣстѣ для всей Россіи. событій, зависѣвшихъ отъ положенія общественнаго, а въ корнѣ отъ жалкаго положенія народнаго дѣла, естественно далъ толчокъ и нашему собранію: на встрѣчу событій и вопросовъ, съ своей стороны мы явились готовыми. съ тѣмъ, что успѣли подготовить личныя силы, спеціальность занятія, предусмотрительный взглядъ на вещи и наше «непрактическое» отношеніе къ жизни. Въ концѣ 1863 года, *Обществу Любителей Россійской Словесности* представили мы обработанный для изданія Сборникъ, вмѣщавшій уже до пяти сотъ Бѣлорусскихъ образцовъ или памятниковъ чисто-народныхъ, устныхъ, не говоря о дополненіи старинныхъ Бѣлорусскихъ рукописей, съ Пѣснями и Стихами на нотахъ. Мы выразили желаніе, чтобы обнародованіе всего этого вошло въ рядъ изданій, начатыхъ уже и веденныхъ тогда нами отъ имени Общества, сопровождая представленія свои рѣчью, въ которой старались разъяснить: всю благовременность такого дѣла въ отвѣтъ на запросы тогдашняго дня; пользу для подъема цѣлаго Края, благодѣтельность для народа; потребность для Русскаго общества, блуждавшаго въ невѣдѣніи при самыхъ жгучихъ и спѣшныхъ вызовахъ минуты на положительную рѣшимость; отношеніе къ задачамъ политическимъ, безотносительный интересъ науки и знанія; даже практическій расчетъ такого своевременнаго предпріятія и безопасность его какъ для мѣстнаго сепаратизма, многихъ еще тогда пугавшаго, такъ и для общаго Русскаго дѣла, всего болѣе имѣвшаго надежду на обезпеченіе именно такимъ путемъ. Не умѣстно и даже скучно было бы повторять эти истины, по счастью теперь еще не антиквированныя и къ сожалѣнію ничѣмъ лучшимъ пока не упраздненные: любопытные могутъ обратиться къ «Дню,» гдѣ была воспроизведена наша рѣчь *). Общество Словесности, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣлило совершенно наши взгляды и поручило намъ приступить къ изданію

---

*) 1863, № 45, 9 Ноября, «Объ изданіи памятниковъ Бѣлорусскаго народнаго творчества.»